

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 19.

1-го Октября

1873 года.

Содержаніе.— 0 молитвъ.— Отличительный характеръ евангелія Іоанна.— Пѣсьнъ Богородицы.— Псалмы.

О М О Л И Т В Ъ .

(Окончаніе).

II. Нужно молиться и въ храмѣ и въ домѣ.

Молитва храмовая—молитва Богомъ установленная; потому, неучаствовать въ ней, значить—быть нарушителемъ Божіей воли. Кромѣ того, молитва церковная, богослужебная—молитва святая, которая, такъ сказать, вѣетъ и дышетъ съ неба, и которой духъ мы должны вдыхать въ себя. Церковь молится и говоритъ святымъ языкомъ,—языкомъ слова Божія и святыхъ отцевъ. Ея молитва, во время литургіи, совершается предъ святѣйшею жертвою Тѣла и Крови Христовыхъ, столь драгоценныхъ Богу! Храмъ, и самъ по себѣ,—святое мѣсто особеннаго присутствія Господа,—идѣ очн,

уши, и сердце Господни милостиво обращены къ молитвѣ нашей. Потому, молитва наша въ храмъ особенно сильна и пріятна Богу, — пріятна уже и потому, что здѣсь не одинъ, а многіе едиными устами и единымъ сердцемъ молятся Ему, въ чувствѣ единодушія, столь угоднаго Богу. (Римл. 15, 16).

Но съ молитвою во храмъ нужно соединять и домашнюю молитву, молиться и въ дому своемъ,—особенно тому, кто не-каждодневно бываетъ въ храмъ. Иначе, онъ не только не исполнить заповѣди: *непрестанно молитесь*, а и цѣлые дни будетъ проводить безъ молитвы, противу воли Божіей и долга своего.—Такъ, для исполненія долга молитвы нужно молиться и въ дому. Двоюкую молитву непременно нужно имѣть въ жизни своей каждому христіанину,—храмовую—общественную, и—домашнюю—частную. На ту и другую мы имѣемъ святыя примѣры и основанія. Это мы видимъ и въ самой жизни Господа Спасителя. О Его частной молитвѣ извѣстно: *взыде на гору единъ помолитися*. (Матѣ. 14, 23). И въ Геесиманіи Онъ *отступи*, сказано, отъ учениковъ, *яко верженіемъ камне*,—уединился. (Дук. 22, 41). Молятва сама по себѣ, какъ бесѣда сердца съ Богомъ, особенно покаянная, любить уединеніе: это—тайна сердца—высокая, глубокая, святая, а тайна любить сокровенность. И мы, по заповѣди Господа, должны *входить въ клятвѣ свою*, внутреннюю и виѣшнюю, для молитвы.—(Матѣ. 6, 6).—Но есть многія побужденія—внутреннія и виѣшнія, есть даже заповѣдь Церкви и законъ—молиться и открыто, торжественно, совокупно въ храмъ. Примѣръ такой молитвы подастъ опять Самъ Господь и Спаситель, посѣщавшій храмовую, торжественную молитву. Почему и пророкъ Давидъ говорить: *молитвы моя воздамъ предъ всеми людьми Его; посреди Церкви воспою Тя*, (Псал. 115, 5);—*посреди сонма многа; вознесемъ*, взываетъ онъ, *имя Его вкупѣ*. (Псал. 21, 23).

Есть времена, когда добрый христіанинъ даже чувствуетъ непреодолимое влеченіе молиться въ собраніи священномъ—въ сонмѣ мнозѣ, напримѣръ въ великіе праздники церковные. Въ сіи свѣтлыя дни пробыть безъ церковнаго Богослуженія и молитвы—для души благочестивой—великая тяжесть и мученіе.

И эта сугубая или двоякая молитва одна другую будетъ восполнять, одна другой помогать и содѣйствовать. Молитва храмовая увѣнчивается, одушевляетъ, освящаетъ домашнюю молитву. При видѣ другаго, усердно молящагося въ храмѣ, наша и холодная молитва нерѣдко возгарается, какъ холодный уголь разгарается отъ прикосновенія къ горящему;—молитва домашняя подготавливаетъ и располагаетъ насъ къ церковной. И самый опытъ нерѣдко даетъ замѣчать, что кто не имѣетъ домашней молитвы; тотъ по большей части, неохотно, съ трудомъ и тяжело молится въ храмѣ,—какъ непривыкшій къ этому святому занятію.

Нужно совершать домашнюю молитву, особенно-въ утро,—воставъ отъ сна, и въ вечеръ, отходя ко сну, также—предъ пріятіемъ пищи, и по принятіи ея.—Кто, вставши отъ ночнаго сна, не обратился съ молитвою къ Богу—Подателю времени, Создателю утра и свѣта, тотъ не хорошо началъ день, не умылъ, такъ сказать, росю молитвы лицо души своей, не узрѣлъ духовнаго Солнца, и не озарился свѣтомъ Его,—вступаетъ въ новый день безъ благословенія Того, чей есть день и чья есть ночь. (Псал. 73, 16) Кто отходя ко сну ночному, не совершилъ молитвы вечерней,—тотъ не хорошо окончилъ день,—не поблагодарилъ Бога, подателя времени, и вступаетъ во мракъ сна ночнаго, безъ осѣненія и огражденія себя молитвою вечернею, безъ чего въ эту ночь будетъ ли охранять и Ангелъ хранитель?

Далѣе, если, по Апостолу, *все освящается словомъ Божиимъ и молитвою*, то приступая къ принятію пищи,—какую пищу лучше принять,—освященную краткой молитвою, или не освященную ею? Явно,—пищу освященную молитвою, тѣмъ болѣе, что пища обращается въ составъ нашего тѣла, которое есть и должно быть храмомъ Духа Святаго. А, по принятіи пищи, можно ли, прилично ли—не принести Богу—подателю ея, краткой молитвы благодаренія? Иначе, не возблагодарившій, въ этомъ случаѣ, Бога, будетъ подобенъ тому невѣжливому гостю, который, послѣ стола, не обратился бы съ благодарностію къ домохозяину, угощавшему его: Или какъ животное неразумное ѣсть плоды, падающіе съ древа на землю, но не обращаетъ взоровъ туда—вверхъ, откуда упали они:

такъ точно и человекъ, если, питаюсь произведеніями земли, смотреть только на землю, имѣть въ виду только землю и поле, а не возводить взора къ небу, которое послало и посылаетъ плодородіе земное, и не видитъ той руки, которая, *отверзшись, всяческая исполняетъ благъ*, — весьма много походить, по тупости и грубости такого, такъ сказать, землянаго своего умственнаго взора, на это животное, грубое и неразумное.

Но и домашняя и церковная наша молитва угодна Богу только тогда, когда она есть молитва не однихъ устъ, а и сердца. Молитву сердца слышитъ Богъ, когда и имѣть молитвы устъ. Моисей, приведши народъ Израильскій къ морю, и преслѣдуемый Фараономъ и воинствомъ его, ничего не говорилъ къ Богу устами, но Господь говорить ему: *что ты вопіеши ко Мнѣ?* (Исх. 14, 15). Не говорилъ Моисей внѣшними устами, но сердце его громко вопіяло къ Богу. Такъ, молитву сердца, и безъ молитвы устъ, слышитъ Господь сердцецъ, и это особенно и слышитъ Онъ; самую устную молитву, въ той мѣрѣ, пріемлетъ отъ насъ, сколько въ ней выражается молитва сердца. А молитвы однихъ устъ, молитвы, въ которой не участвуетъ ни умъ, ни сердце, въ которой *устами мы приближаемся* къ Богу, *а сердце далеко отстоитъ отъ Него*, (Марк. 7, 6), такой молитвы не слышитъ Господь, т. е. не внемлетъ ей, и неблаговоитъ къ ней. И можетъ ли, благовоитъ ли внимать ей Господь, когда самъ молящійся не слышитъ внутренно такой молитвы своей? Если же эта молитва будетъ еще небрежная и нерадивая, то она даже противна Господу Богу и оскорбляетъ величіе Его; *такая молитва бываетъ въ грѣхъ*. (Псал. 108, 7). Такъ, для полноты молитвы, нужна и устная молитва, — нужна для прославленія Господа въ душахъ и тѣлахъ нашихъ, да будетъ *вину* (всегда) *хвала Его во устнхъ нашихъ*. (Псал. 33, 2). Но особенно нужно пецхиса о сердечной молитвѣ.

Такъ, молитва наша, чтобъ сдѣлаться угодною Богу, должна исходить изъ глубины души, — *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи*, взываетъ Давидъ — должна быть изліяніемъ сердца нашего, по слову пророка: *изліяйте предъ Нимъ сердца ваша*. — Нужно возносить молитвы наши къ Господу Богу со всевозможнымъ благоговѣніемъ и смиреніемъ духа. Истина сама собою ясная до оче-

видности. Если и къ царю земному нельзя являться безъ нѣкотораго страха или благоговѣнія: не тѣмъ ли болѣе нужно это въ молитвѣ, представляя предъ лице Царя царей, предъ которыми съ благоговѣніемъ и трепетомъ предстоятъ архангелы и херувимы, какъ Творцу своему, — творцу и Владыкѣ всей вселенной? — Но, представляя къ Господу со страхомъ благоговѣнія, мы — христіане, по безмѣрной къ намъ милости и благодати Божіей во Христѣ Иисусѣ, можемъ представлять предъ лице Божіе и съ сыновнимъ дерзновеніемъ, взывая къ Нему: (Іоан. 5, 14). Отче нашъ! — можемъ съ сыновнею искренностію открывать Ему свое сердце и нужды, по слову Апостола: *прошенія ваша да сказуются Ему.* (Филип. 4, 6). Но чтобы имѣть такое сыновнее дерзновеніе, и чтобы неосужденно взывать къ Господу Богу: Отче нашъ! — нужно и самимъ намъ имѣть сыновнюю къ Нему покорность и полную готовность исполнять волю Его — святыя заповѣди Его — а вмѣстѣ — быть и въ братскомъ расположеніи къ ближнимъ нашимъ, — какъ дѣтямъ одного Отца небеснаго. Тѣмъ болѣе нужно прекращать всякія взаимныя наши вражды, примиряться съ другими, и умиротворять свою душу, чтобы достойно предстать, въ молитвѣ, предъ лице Господа, Бога мира и любви, и любящаго миръ и любовь. (Кор. 14, 33). Иначе, молитва наша не будетъ благоугодна Ему. — Нужно молиться Господу съ охотою, нужно насадить и укоренить въ себѣ духъ молитвы.

III. Какъ стяжать и сохранить этотъ духъ молитвенный?

Надобно чаще и усерднѣе, отъ души, совершать молитву, возбуждать себя къ ней, что почиталъ нужнымъ для себя и дѣлалъ самъ пророкъ, говоря себѣ: *востани слава моя*, т. е. славословіе его къ Богу, — *востани псалтирю и гусли.* — (Псал. 107, 3). — Молитву, самый духъ ея питаетъ и возрѣваетъ чтеніе и слушаніе слова Божія. Въ словѣ Божіемъ заключено дыханіе Духа Святаго; вѣяніе сего Духа возгрѣваетъ и угасшую искру молитвы нашей. Въ святыхъ Божіихъ храмахъ, такъ же можно сказать, живетъ и вѣетъ духъ молитвы. Нужно только *отверзть* ухо и уста сердца, чтобы *привлечь* этотъ духъ молитвы. Когда мы къ молитвѣ своей присоединимъ и чтеніе слова Божія, тогда у насъ будетъ полнѣе, взаимная бесѣда съ Богомъ: въ молитвѣ нашей мы говоримъ къ

Господу Богу, а въ словѣ Божіемъ Господь говорить къ намъ. — Духъ молитвы — не столько наше произведеніе, сколько — даръ, свыше нисходящій: потому надобно молиться о самой молитвѣ, просить духа ея; — и — *Даяй молитву молящемуся, дасть и намъ духа ея.* (Римл. 8, 26). *О чесомъ помолимся, не вѣмы: Той же Духъ водатайствуетъ о насъ Господеви въздыханіи неизлаголаннми.*

Но и пріобрѣтенный духъ молитвы можно легко потерять и утратить: а потому, нужно всячески хранить его, и, сколько можно, удаляться тѣхъ случаевъ и обстоятельствъ, которые противны ему. Таковы: излишнія суеты, разсѣянность, и, особенно, посѣщеніе лицедѣйныхъ и страстныхъ зрѣлищъ, которыя, если и уточняютъ вкусъ житейскій, за то, не только погашаютъ духъ молитвенный, но и портятъ и совершенно истребляютъ вкусъ духовный, поселяя въ насъ нерасположеніе къ предметамъ и занятіямъ святымъ и священнымъ. Возвратившійся съ этихъ зрѣлищъ едва ли усердно совершитъ (и — совершитъ ли кое — какъ?), не только вечернюю, на сонъ грядущимъ, а и утреннюю молитву. Безмѣрное различіе, по духу и вкусу, — между храмомъ Божіимъ и кумирничею мира.

«Трудна молитва, нѣтъ времени молиться;» говорятъ иные: и, подъ этими предлогами, увольняютъ себя отъ молитвы. — Трудна молитва? Да, это, къ прискорбію, правда, въ нѣкогорой мѣрѣ. Молитва, которая сама по себѣ, по существу своему, должна быть легче дыханія, должна составлять жизнь нашу, — часто дѣйствительно бываетъ трудна въ настоящемъ поврежденномъ состояніи нашемъ; такъ что къ молитвѣ, этому ангельскому занятію, въ котормъ находятъ блаженство свое Херувимы и Серафимы, нужно нерѣдко принуждать себя и другихъ; для иныхъ она служитъ наказаніемъ тяжкимъ. Но, по благодати Божіей, мы имѣемъ множество средствъ дѣлать ее легкою. Принуждай себя чаще къ молитвѣ, и — будешь потомъ молиться легкою молитвою; молитва легкая, большею частію, есть слѣдствіе и плодъ предшествующей, долговременной, самопонижаемой, трудной молитвы, послѣ навыка къ ней. Нужно имѣть чувства обучена въ дѣлѣ молитвы (Еф. 5, 14): съ такими чувствами, направленными къ Богу, молитва, какъ струя или потокъ по проложенному пути, будетъ легко и удобно, какъ

бы сама собою, течь къ небу въ животъ вѣчный. — Но если бы и не отъ насъ зависѣла трудность молитвы, — неотвратимая, — подвигомъ и на трудную молитву; Самъ Сынъ Божій молился нѣкогда до кроваваго пота, *бывъ въ подвижѣ, прилежнѣ молящеся*. (Лук. 22, 44).

Нѣтъ, говорятъ, времени для молитвы? Здѣсь вовева почти нѣтъ правды. Ужели Господь, давшій заповѣдь всѣмъ: *непрестанно молитесь*, далъ заповѣдь неисполнимую. — Давидъ, царь израильскій, занятый множествомъ дѣлъ, *седмерицею днемъ хвалилъ Бога*, — (Псал. 116, 164), — *выну хвала Божия была во устахъ его*; (Псал. 33, 2) онъ *въ полночи воставалъ исповѣдаться имени Его*. — (Псал. 118, 62). Не времени, значить, а расположенія не достаетъ, большею частію, у насъ и охоты къ молитвѣ.

Такъ, если намъ дороги жизнь духа нашего и вѣчное блаженство, — не будемъ оставлять молитвы, но, какъ можно, чаще и болѣе будемъ посвящать ей времени, согласно съ заповѣдію евангельскою. Молитва, — ни одинъ даже вздохъ ея, — не останется за Господомъ Богомъ безъ воздаянія, и не оставитъ насъ, издѣсь, и при нашемъ переходѣ въ вѣчность.

Архимандритъ *Фотій*.

Отличительный характеръ

Евангелія Іоанна.

(Продолженіе).

Такимъ образомъ, раскрывая идею воплощеннаго Слова въ области живой, дѣйствительной исторіи Его земнаго явленія, евангеліе любимаго ученика Христова явно возвышается подъ другими по своей высокой идеальности и духовности. Здѣсь высшая задача состоитъ не въ томъ, чтобы начертать, какъ въ живомъ разсказѣ, евангельскія событія, — нѣтъ, въ евангеліи Іоанна повсюду выдѣляется идея, которая, едва обозначаясь въ началѣ, болѣе и болѣе развивается въ конкретномъ изображеніи жизни и дѣятельности Пред-

вѣчнаго Бога—Слова, подобно тому, какъ цвѣтокъ развивается изъ своего стебля. Поэтому весьма несправедливо поступаютъ тѣ, какъ замѣчаетъ Евальдъ, которые принимаютъ начало четвертаго евангелія (Іоан. 1; 1—18) за голое предисловіе, которое будто могло бы и не быть⁹⁷⁾; напротивъ этотъ отрывокъ, говоритъ Евальдъ, есть вполне единственный въ своемъ родѣ и стоитъ въ началѣ, какъ повѣствованіе о Предвѣчномъ существѣ Слова и Его явленіи во плоти, а потому онъ относится ко всемъ частямъ нашего евангелія и столько же въ немъ необходимъ, какъ и всякая часть его; ибо содержитъ въ себѣ, какъ въ напередъ начертанномъ расположеніи всѣ главныя и второстепенныя отдѣленія и составляетъ одинъ изъ необходимѣйшихъ членовъ законченнаго цѣлаго.⁹⁸⁾

Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія отдѣлять первые 18-ть стиховъ первой главы отъ всей остальной части евангелія Іоанна, какъ это дѣлаетъ отрицательная критика. Ибо, говоритъ Лютардъ, «кто отдѣлитъ отъ самаго евангелія подъ именемъ пролога то, что евангелисты Матѳей и Лука повѣствуютъ о Крестителѣ, рожденіи и младенцествѣ Іисуса? Уже эти первыя строки евангелія Іоанна (т. е. I гл. 1—18 ст.) отвѣчаютъ ему моментомъ зарожденіи исторіи и, если остальные евангелисты повѣствуютъ, что Іисусъ появился въ міръ отъ Маріи, то Іоаннъ, — что Іисусъ Христосъ пришелъ съ небесъ; поелику вѣчному Сыну Божію онъ желаетъ приписать земное явленіе». И такъ, заключаетъ Лютардъ, часть цѣлаго евангелія Іоанна не менѣе существенна и необходима, какъ и тѣ повѣствованія «сунонтиковъ». Ибо, говоритъ онъ, чтобы выставить внутреннюю, божественную славу Іисуса во всемъ свѣтѣ,

97) Такого мнѣнія Бауръ, Кестлинъ, Рейссъ и др. Такъ Бауръ въ прологѣ находитъ тѣ логически распоряденныя понятія, которымъ дается діалектическое изложеніе во всей—послѣдующей, какъ выражается онъ, «вымышленной исторіи». Кестлинъ же полагаетъ, что въ прологѣ содержится не исторія той λόγος, но трижды повторенное (Іоан. 1 гл. ст. 1—18, 9—13, 14—18) простое, слабое изображеніе всей христіанской религіи, противоположной язычеству и иудейству. См. у Luthardt'a De compositione Evang. Іоан. р. 2.

98) Ibid. ст. 42.

евангелистъ Іоаннъ показываетъ, что Онъ явился какъ бы изъ слова. А такимъ образомъ, что есть въ словѣ, то же и въ Иисусѣ; каково состояніе было слова въ мірѣ, таково и Иисуса. По этой причинѣ, чтобы Иисусъ прямо понимался такимъ, какимъ желалъ Его видѣть Іоаннъ, необходимо было предпослать Ему λόγος 99). Но что такое λόγος Іоанна, которымъ начинается и проникается все евангельское его повѣствованіе?

Мы считаемъ необходимымъ коснуться этого вопроса отчасти потому, что ученіе о Логосѣ составляетъ основной принципъ четвертаго евангелія, но главнымъ образомъ потому, что для отрицательной критики евангельской исторіи этотъ вопросъ представляетъ одинъ изъ устойчивыхъ пунктовъ, на которомъ она старается опираться, силясь доказать неподлинность апостольскаго происхожденія этого евангелія. Такъ, отдѣляя 18 стиховъ первой главы отъ остальной части евангелія, весьма многіе изъ критиковъ, какъ напримѣръ Фишеръ, Люкке, де—Ветте, Clericus, Schyffarth и другіе — идею Логоса евангелія думаютъ объяснять одинаково съ логосомъ филоновской философіи, на томъ основаніи, что по ихъ мнѣнію, представляется недоступнымъ и невозможнымъ для простаго необразованнаго автора — рыбака, какимъ былъ евангелистъ Іоаннъ, такое возвышенное ученіе, а потому они утверждаютъ, что кругъ идей, содержащійся въ этомъ ученіи принадлежитъ якобы не Іоанну, но есть результатъ послѣдней ступени развитія христіанства подъ вліяніемъ гностицизма 2-го вѣка 100) и, по своему началу, принадлежитъ философіи Платона и Филона и есть наконецъ нечто иное, какъ оплатонизированное ученіе александрійской философіи Филона. Поэтому, говорятъ они, ученіе о логосѣ, содержащееся въ четвертомъ евангеліи, нужно объяснять помощію греко-иудейской философіи и въ частности философіею Платона и Филона.

Нѣтъ слова, что евангеліе Іоанна написано дѣйствительно въ спекулятивномъ духѣ, каковая особенность его, какъ мы видѣли

99) De compositione Evangelii Ioannei «in Prolegomena» р. VI. VII.

100) Бауръ въ своемъ сочиненіи: Ueber composition des Ioannei Scheu Evangeliums.

прежде, замѣчена была еще въ первые вѣка христіанства; ибо многіе изъ древнѣйшихъ экзегетовъ, какъ форму изложенія, такъ и самую идею Логоса изъясняли путемъ философскимъ и догматическимъ и, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Оригенъ, думали видѣть въ Логосѣ Іоаннова евангелія божественный вѣчностный разумъ¹⁰¹⁾, тѣмъ не менѣе изъ такой возвышенной формы изложенія еще не слѣдуетъ, что Логосъ Іоанна есть успѣхъ точки зрѣнія греко-иудейской догматики, а тѣмъ болѣе заподозрѣвать, что это ученіе евангелистъ Іоаннъ заимствовалъ у Филона. Дѣло въ томъ, что логосъ Іоанна и логосъ Филона, если и могутъ быть сравниваемы между собою, то единственное сравненіе ихъ можетъ идти не далѣе, какъ только въ одноименномъ названіи, терминъ «λόγος», которымъ и то и другое ученіе одинаково обозначается, а отнюдь не въ принципѣ, — въ принципѣ оба ученія эти совершенно чужды другъ друга и различны до діаметральной противоположности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое логосъ Филона и Іоанна?

Мировоззрѣніе Филона, какъ извѣстно, образовалось у него путемъ соглашенія теоретическихъ представленій греческой философіи съ откровеннымъ ученіемъ священныя книгъ евреевъ. Именно воу̅с Платона, — чистый имманентный умъ, чистое идеальное откровеніе Бога въ Себѣ, которому все видимое, чувственное противоположно, какъ происходящее не изъ идей ума (воу̅с), но изъ идей души (ψυχή), Филонъ соединилъ съ еврейскою догмою о вѣчностной божественной мудрости и этотъ міръ божественной жизни назвалъ «λόγος» т. е. словомъ. Отсюда сверхъестественный міръ, называемый у Платона идеями, у Филона представляетъ собою Бога, божественныя силы; почему и міръ, въ которомъ находится вѣчное существо, Филонъ называетъ «мысли Божіими». Эти мысли, по представленію Филона, составляютъ какъ бы беззвучный разговоръ вѣчнаго существа съ Самимъ Собою и какъ мысль или существованіе Бога для міра — есть Его творчество и управленіе, такъ мысли Божіи для него Самаго (т. е. для Бога) суть Его-

101) Съ каковымъ толкованіемъ говоритъ Лютардтъ, во многомъ сходно ученіе: λόγος ἑνσταβέτος καὶ προφороύ ibid. p. 4-я.

Слово. Отсюда отношеніе Бога къ міру Филонъ опредѣляетъ такимъ образомъ: Самъ Богъ не сотворилъ міра изъ ничего, какъ повѣствуетъ между тѣмъ б тописаніе, свободнымъ дѣйствіемъ своей воли; ибо Онъ, на взглядъ Филона, не можетъ перестать когда либо творить; потому что отъ него проистекають свѣтъ и жизнь, какъ лучи отъ солнца. Вслѣдствіе чего матерія у Филона является совѣчною Богу и, подобно Ему, неизмѣнною ни начала, ни конца. Какъ же, спрашивается, образовался міръ? Филонъ отвѣчаетъ на это такъ: поелику Богъ, по своей высотѣ, не можетъ входить въ непосредственное сношеніе съ матеріею, которая по мнѣнію Филона, есть зло, то въ дѣлѣ творенія, Онъ избралъ Себѣ особыхъ посредниковъ—идей или силы, которыя, исходя отъ Него, составляютъ прообразы всѣхъ предметовъ, заключенныхъ въ мірѣ. Самые же прообразы эти, говоритъ онъ, суть тѣ божественныя отпечатки, которые, ложась на неустойчивую матерію, сообщаютъ ей форму и красоту и такимъ образомъ извлекають изъ нея «космосъ». И вотъ эти-то силы или идеи, взятая въ совокупности, составляютъ идеальный міръ,—міръ слова. Поэтому, учить Филонъ, Логосъ есть связь, которая соединяетъ собою всѣ части міра; та сила, которая все содержитъ; разумъ, который все сознаетъ, душа которая проникаетъ, посредникъ между существующимъ и несуществующимъ; представитель Бога и божественной воли въ видимомъ мірѣ; далѣе,—источникъ мудрости и добродѣтели для людей; первосвященникъ и ходатай за людей предъ Богомъ; второй Богъ или старѣйшій, перворожденный сынъ Божій. Вотъ логосъ Филона. Но нужно замѣтить то весьма важное обстоятельство, что, въ ученіи Филона, всѣ эти возвышенныя предикаты, какіе онъ придаетъ своему логосу, отнюдь не выдѣляютъ его изъ области абстракціи. По ученію Филона, логосъ не есть персона, лице: личное, единое слово Божіе для него не существуетъ, а отсюда естественно и самая идея его логоса не связывается съ мессіанскою идеей. Спасеніе, которое имѣлъ принести міру Мессія, Филонъ ограничиваетъ единственно познаніемъ высшаго порядка вещей и осуществленіе его полагаетъ главнымъ образомъ въ созерцаніи и аскетизмѣ, такъ что по Филону, каждый человекъ является для самаго себя и спасителемъ и вмѣстѣ мессіею.

Такимъ образомъ, хотя у этого теософа ученіе о Логосѣ и составляетъ средоточный пунктъ (центръ) всей его системы, тѣмъ не менѣе оно лишено идеи о личномъ Мессіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ она находится у Іоанна, какъ воплощенное Слово. У Филона эта идея, такъ сказать, улетучивается въ чисто идеальную дѣятельность Логоса и хотя Зейфортъ утверждаетъ, что имена *ὁ ἀληθής* или *ἀληθινός ἄνθρωπος*, *ὁ πρὸς ἀλήθειαν ἄνθρωπος*, также просто *ἄνθρωπος*, которыми Филонъ очень часто называетъ эту дѣятельность своего Логоса, какъ идеала и первообраза человечества, — указываютъ будто на ученіе Филона «о воплощеніи Логоса» ¹⁰²⁾, однако такого мнѣнія мы не оправдываемъ, и согласиться съ нимъ уже потому нельзя, что это будетъ не болѣе, какъ натяжка, навязывающая Филону то, что вовсе не входило въ систему его ученія. Дѣло въ томъ, что каббалисты и именно замѣчательная книга Сохаръ (Sochar) ¹⁰³⁾ употребляя выраженія: слово Божіе, мудрость, царство Божіе, равнозначущія съ выраженіемъ *hamaschicha*, отнюдь не допускаютъ той мысли, что Логосъ пришелъ на землю и жилъ въ человѣческомъ образѣ, какъ человѣкъ. Въ существѣ дѣла, говоритъ Ольсгаузенъ, каббалисты и книга Сохаръ пользуются выраженіями «Мессія и Слово» только синоптически, безъ связи слова съ человѣческою природою, заключенною въ Мессіи, какъ учитъ объ этомъ евангелистъ Іоаннъ. Ибо, замѣчаетъ онъ, самые глубокіе іудеи имѣли слишкомъ темное представленіе касательно отношенія высшаго и низшаго въ Мессіи, и мѣста книги Сохаръ, гдѣ говорится о двойномъ Мессіи, служатъ очевиднымъ тому свидѣтельствомъ. Такъ высшее въ Мессіи называется здѣсь высшая гора; человечество же — низшая гора. При томъ объ эти стороны въ Мессіи понимались въ раздѣльныхъ личностяхъ: божество Мессіи — это сынъ Давидовъ; человечество — сынъ Іосифа; отсюда и обнаруженіе высшей природы Мессіи является только въ сынѣ Давида ¹⁰⁴⁾. Но нѣкоторые духовно направленные іудеи докетически понимали ученіе о Мессіи, а потому описали

102) Biblisch Commen. u. d. Ev. Ioh. Ocschayeu a s. 39-я.

103) Написаніе этой книги относить ко 2-му вѣку къ ученому раввину Сумону Iochai. *ibid.* s. 38.

104) *Ibid.* s. s. 38. 39.

Его, какъ совершенно новую субстанцію *haddaja-tadascha*. Такъ же точно учить и Филонъ. Слѣдовательно, могъ ли Филонъ быть вдохновителемъ Іоанна, когда его ученіе о Логосѣ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ мессіанской идеѣ, когда онъ не видитъ даже нужды въ искупленіи, что въ евангеліи Іоанна составляетъ между тѣмъ первѣйшій основной догматъ? Отвѣчаемъ отрицательно. Ученіе Филона не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ о Словѣ евангелиста Іоанна; ибо ученіе Іоанна о воплощенномъ Словѣ, какъ соединеніе божественнаго съ истинно человѣческимъ стоитъ какъ возвышенная средина между идеалистическимъ заблужденіемъ Филона и матеріалистическимъ—іудеевъ вообще, утверждавшихъ, что Мессія былъ не болѣе, какъ только «замѣчательный человѣкъ». Въ самомъ дѣлѣ, что такое Логосъ Іоанна?

Слово (*λόγος*) Іоанна есть дѣйствительное, персональное, вѣчное Слово, которое было *ἐν ἀρχῇ* всѣхъ вещей, какъ повѣствуетъ евангеліе, слѣдовательно, внѣ пространства и времени. Далѣе, *πρὸς τὸν θεὸν* т. е. соединенное съ Нимъ во внутреннѣйшемъ единствѣ и наконецъ *καὶ θεὸς ἦν*, не божественнымъ только было Слово, но Самимъ Богомъ. Это вѣчное Слово, учить Іоаннъ, есть то самое, Которымъ сотворены были всѣ вещи во времени, и какъ первоначально все чрезъ Него получило бытіе и ничто не могло быть безъ Него, что есть, такъ точно произошло съ Нимъ возстановленіе всего того, что отпало отъ Бога и, по причинѣ грѣха, было проклято. Оно возстановило тотъ разорванный нами союзъ съ Богомъ, который мы утратили дѣйствиємъ нашей свободной воли и который мы уже не въ силахъ были возстановить, сколько по причинѣ нашего отдаленія отъ Бога, столько же по причинѣ Его божественнаго величія для насъ. Поэтому, чтобы не лишиться намъ навсегда благодатнаго общенія съ Богомъ, не тяготѣть подъ гнетомъ проклятія, не пребывать во тьмѣ и преисподней, Слово должно было сойти съ неба и низойти на землю, перемѣнить свой образъ и чрезъ то быть посредникомъ во второй разъ—при искупленіи,—какъ въ первый—при сотвореніи міра. И вотъ, сошедши съ неба на землю, оно восприняло человѣческую природу и, соединясь такимъ образомъ тѣснѣйшимъ союзомъ съ человѣчествомъ, Слово тѣмъ самымъ исходатайствовало примиреніе

Бога съ людьми. Въ Немъ челоѣчество снова очистилося чрезъ совершеннѣйшую жертву умиловленія Богу, какую Слово принесло собою и этимъ открыто было примиреніе какъ здѣсь, — на землѣ, такъ точно оно сдѣлано было прославленнымъ въ его полнѣйшемъ и высочайшемъ совершенствѣ на небѣ. Только чрезъ Него, какъ единосущнаго Отцу, все могло придти къ Богу и только въ Немъ Отецъ могъ быть познанъ и возлюбленъ челоѣчествомъ, ибо только Слово принесло съ собою совершеннѣйшее познаніе Бога и божественной любви, такъ какъ и само оно есть высочайшая Истина и Любовь.

Такимъ образомъ, λόγος Іоанна есть только имя для означенія челоѣчества Слова, такъ какъ божественное свое имя, говоритъ Лютардь, Оно знало только Само) а также и для означенія отношенія Сына Божія къ Отцу, міру и челоѣчеству. Такъ, касательно отношенія къ Отцу Слово есть вызванное отъ вѣчности изъ Его существа, но Слово это также мало дѣлаетъ въ Немъ раздѣленія или отдѣленія, какъ внутри духа сказанная мысль. Въ отношеніи къ міру — Слово есть сказанное во времени и сказанное имъ было сотворено; въ отношеніи къ челоѣчеству — Слово доставило его разуму, чрезъ внѣшнія и внутреннія божественныя слова, истинный свѣтъ и разумность: *и даде намъ свѣтъ и разумъ.*

Такимъ образомъ, ученіе о Логосѣ апостола Іоанна не есть какое нибудь философское прибавленіе къ евангелію, а тѣмъ болѣе заимствованное изъ философіи Филона. Филонъ, какъ мы уже видѣли, не допускалъ возможности воплощенія Божества и въ своемъ Логосѣ видѣлъ только обобщеніе идей; по его ученію, божество не можетъ соприкасаться по своей высотѣ съ тѣмъ, что матеріально, — тогда какъ въ евангеліи Іоанна воплощеніе Бога — Слова есть историческій фактъ и основа всего его ученія. Слово Іоанна не обобщеніе идей, но живая, реальная, историческая личность; *Слово плоть бысть* есть существеннѣйшая догма всего четвертаго евангелія. А потому, что у Филона является страшнымъ богохульствомъ (воплощеніе Бога), то у Іоанна есть возвышеннѣйшая догма. Послѣ этого, что же сходнаго думаетъ находить отрицательная критика между тѣмъ и другимъ ученіемъ, помимо прямаго контраста?

Остается одно — единственное сходство, — это терминъ «Логось». Но можно ли безусловно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что выраженіе «Логось» въ первый разъ употреблено было только Филономъ и что терминъ этотъ евангелистъ Іоаннъ у него заимствовалъ для означенія своего ученія? Вопросъ еще не рѣшенный. По крайней мѣрѣ Еббардъ говоритъ, что терминъ «Логось» образовался у Іоанна независимо отъ александрійской философіи и существовалъ прежде ¹⁰⁵⁾. Такъ, ссылаясь на одинъ древній Таргумъ, онъ указываетъ, что таргумистическое выраженіе *šimšo hašhova* было употребляемо какъ понятіе *š lōgōs toš dēou*, следовательно, говоритъ онъ, Іоаннъ могъ найти терминъ «Логось» въ своемъ палестинскомъ отечествѣ и Логось Іоанна, безсомнѣнія, болѣе соотвѣтствуетъ таргумистическому «слову»; ибо таргумистическое *šimšo* и Сирахово *sofā* понятія однозначущія, и какъ у Сираха и въ Таргумѣ Богъ чрезъ свое Слово сотворилъ міръ и все видимое, такъ точно актъ творенія вселенной представляется и у Іоанна ¹⁰⁶⁾. Но Логось Іоанна и Логось Таргума не тождественны; *šimšo* также какъ и филоновское *lōgōs proforikōs* указываютъ только на отношеніе Слова Божія къ сотворенной твари и *šimšo* есть, собственно говоря, упостасное откровеніе Слова только въ твореніи; напротивъ того *lōgōs* Іоанна *prōs ton dēon* прежде, чѣмъ чрезъ Него сотворена была тварь. Въ словахъ: *o lōgōs ēn prōs ton dēon* (Іоан. 1, 1) высказывается положительная упостасная самостоятельность Логоса. Такимъ образомъ, по мнѣнію Еббарда, терминъ Логось евангелистъ Іоаннъ всего естественнѣе могъ заимствовать въ своемъ отечествѣ, который въ его время былъ въ общемъ употребленіи, какъ перешедшій изъ таргумистической теологіи. — Если же такъ, то гдѣ болѣе свѣтлый источникъ, въ которомъ можетъ быть отыскано начало Іоаннова ученія о Логосѣ, когда, по словамъ Лютардта, «изъ мутныхъ водъ Филона и александрійцевъ смыслъ его неисчерпанъ?» ¹⁰⁷⁾. — Такой источникъ есть священное писаніе Ветхаго и Новаго Заветовъ, — къ нему мы и обратимся.

105) См. у Bunsen a Bibelwerk. 108) Biblisch comment.

106) Ibid. 109) Biblisch comment nachher schenkein nachher schenkein.

107) De compositione Évang. Іоан. р. 6.

а) Первый взгляд на начало библейскаго повѣствованія Моисея представляет много сходнаго съ началомъ евангельскаго повѣствованія Іоанна и это очевидное сходство, едва ли можно оспаривать безъ ущерба истинѣ. Такъ, если мы сравнимъ первую главу книги Бытія 1-е стихи съ первою главою, первыми стихами евангелія Іоанна, то достаточно убѣдимся, что Моисей и еван. Іоаннъ говорятъ объ одномъ и томъ же Словѣ, хотя и различнымъ образомъ, Іоаннъ въ своемъ повѣствованіи неоспоримо выше Моисея; онъ говоритъ о томъ Словѣ, которое Богъ сказалъ не во времени, но въ вѣчности; видитъ тамъ Христа отъ вѣка пребывающаго съ Отцемъ, Который, подобно Слову, сказанному при твореніи, сошелъ въ міръ, чтобы открыть ему Бога Отца и сообщить жизнь и свѣтъ человечеству, а потому и повѣствуетъ: *въ началѣ бѣ Слово...* Въ этомъ же смыслѣ откровеніе творящаго Бога называется у Моисея «Словомъ»; и какъ у него Слову приписывается твореніе всего міра, такъ точно и у Іоанна. Ибо, говоритъ Ольсгаузенъ, если языкъ есть внутренняя, удобопонятная форма откровенія человѣческаго духа, то естественно, что и Богу, какъ совершеннѣйшему Духу, приписывается здѣсь человѣческое слово; только это первоначальное слово не есть простой, голый абстрактъ, но живущая сущность: ибо изъ лона жизни можетъ выйти жизнь и сущность, а потому это Слово или первоначальная мысль вѣчнаго Бога также вѣчна, какъ и Богъ, поелику совершеннѣйшее сознаніе и Богъ совершенно равны; слѣдовательно въ мѣстахъ Моисея и Іоанна (первыя главы) первоначальное Слово Божіе есть сущность вполне однородная съ Нимъ. ¹⁰⁸⁾

Подобнымъ образомъ и Псалмопѣвецъ хвалитъ Слово, которое содержитъ въ себѣ божественную власть и могущество; ¹⁰⁹⁾ далѣе, у пророковъ, которые говорили Духомъ Христа (1 Петр. I, II) это Слово также было извѣстно, поелику оно возвѣщало имъ свои божественныя откровенія, хотя они означали Его другимъ именемъ.

108) Biblisch comment. u. d. Ev. Joh. ss. 32, 33.

109) Bidbar ebova schamaim nachas uvruach pal—pij zebajam.

Такъ Исаія откровеніе Бога называетъ *maljach rapaj* (63 г. 9 ст.). Даниилъ *beuajnasch* (7 г. 13 ст.), какъ первообразъ человечества; Михей, грядущаго Мессію отождествляетъ съ Иеговою, который придетъ скоро для избавленія своего народа (Мих. 5 г. 2 въ подлинникѣ же 1-й стихъ *umvozaotaj mikkedem mimei cholam*. Слѣдовательно во времена евангелиста Іоанна идея божественнаго Слова была уже готовая и достаточно извѣстна, какъ ему самому, такъ равнымъ образомъ и его читателямъ помимо ученія Филона, а потому для Іоанна не было нужды заимствовать не только самое ученіе о Логосѣ изъ философіи этого послѣдняго, но даже и термина. Утверждать противное, будто ученіе евангелиста о Словѣ можетъ быть объяснено только помощію александрійской философіи и отвергать то, что составляетъ всеобщее вѣрованіе христіанской церкви, утвержденное цѣлыми вѣками, нѣтъ основаній; ибо, по выраженію Пресансе, «едвали еще можно найти примѣръ такого рѣзкаго противорѣчія въ исторіи человѣческой мысли, какое существуетъ между ученіемъ Іоанна и ученіемъ Филона»¹¹⁰).

Правда, евангелистъ Іоаннъ учитъ о Логосѣ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ могъ говорить о Немъ Ветхій Завѣтъ¹¹¹), тѣмъ не менѣе онъ учитъ и говоритъ о Немъ въ подобномъ же смыслѣ. Именно: евангелистъ Іоаннъ называетъ Иисуса Христа Словомъ потому, что Онъ отъ вѣчности содержалъ въ себѣ все божественное откровеніе; и такъ какъ это послѣднее совершеннѣйшимъ образомъ сообщено было міру Иисусомъ Христомъ, который всю божественную жизнь, какую Богъ желалъ дать міру, принесъ съ собою и сообщилъ намъ, то натурально, что Іоаннъ и называетъ Иисуса Христа Словомъ откровенія, такъ какъ Онъ есть и полнота и податель всего того, что нѣкогда божественнымъ откровеніемъ воздѣшено было чрезъ Слово. Вотъ почему для Іоанна и не было нуж-

100) Иисусъ Христосъ и Его время, въ русскомъ переводѣ 1869 года.

111) Ветхій Завѣтъ не употребляетъ выраженія *λόγος τοῦ θεοῦ* въ смыслѣ яснаго, положительнаго ученія о персональной премудрости Божіей, какъ евангел. Іоаннъ. Оно устранено было ветхозавѣтными писателями потому, что народъ іудейскій, по своей силенности къ многобожію, могъ чрезъ ясное ученіе о Логосѣ, какъ лицѣ, впасть въ политеизмъ.

ды давать «Логосу» какое бы-то было толкованіе, какъ это по чему-то желательно и кажется необходимымъ въ глазахъ отрицательной критики; ибо «Словомъ» евангелистъ Іоаннъ имѣлъ означить не иную личность св. Троицы, какъ кажется на взглядъ противниковъ подлинности четвертаго евангелія, но именно Иисуса Христа, который во всемъ свѣтѣ открылъ міру Бога, будучи Самъ Богъ—Слово.

б) Наконецъ, что касается новозавѣтнаго писанія, то оно еще яснѣе указываетъ намъ источникъ, изъ котораго Іоаннъ черпалъ матеріалъ для своего ученія. Такъ апостоль Іаковъ въ своемъ собранномъ посланіи, учитъ, что Словомъ божественнымъ создано новое твореніе (1, 18). Это Слово апостоль Іаковъ, безъ всякаго сомнѣнія, полагаетъ одинаково съ Словомъ творенія, дабы такимъ образомъ показъ, что полное божественное откровеніе совершилось тогда, какъ Богъ послалъ въ міръ Христа, почему это Слово онъ и называетъ далѣе 21 ст. τὸν ἑμφότερον λόγον, τὸν δυνάμενον θῶσαι τὰς ψυχὰς ὁμῶν. Такое ученіе о Словѣ мы находимъ и въ посланіи апостола Петра. Такъ, въ первой главѣ перваго своего посланія апостоль разсуждаетъ о Словѣ творенія и о Словѣ новозавѣтномъ, спасающемъ человѣчество. Затѣмъ апостоль Павелъ въ посланіи къ Евреямъ учитъ, что въ Иисусѣ Христѣ явилось послѣднее совершеннѣйшее Слово Божіе и что Христосъ есть воплощенное Слово, чрезъ которое сотворились вѣка: *διὸ καὶ ἐποίησεν τοὺς αἰῶνας* (главы 1, 2—3 ст.); *естъ сіяніе славы и образъ ипостаси Бога Отца, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ грѣхомъ нашимъ; сѣде одесную престола величествія на высотахъ.* Далѣе, тотъ же апостоль въ посланіи къ Титу учитъ о Словѣ гл. 1, 3; наконецъ ученіе о Словѣ мы находимъ и въ Апокалипсисѣ: *и облеченъ (т. е. І. Христосъ) въ ризу червлену кровію, и нарицается имя его слово Божіе* (καὶ ὄνομα αὐτοῦ ὁ λόγος τοῦ θεοῦ).

ПѢСНЬ БОГОРОДИЦЫ.

Величитъ душа моя Господа и проч.

Всѣ освященныя пѣсни церковныя, въ которыхъ Церковь, одушевленная и движимая то небесною радостію, то святою скорбію

о Господѣ, поеть Господеви, исполнены духа благодати, слаости и наиданія. Это — *красная по слову писанія, бесѣда* (Пс. 11, 4, 3). Церкви, которую ведетъ она съ *Богомъ сердца* своего. Цсал. Но пѣснь Богородицы, Матери Свѣта, есть, по истинѣ, верхъ и вѣнецъ пѣсней, есть, можно сказать, пѣснь пѣсней церковныхъ. Если всѣ пѣсни церковныя — благодатныя; то эта пѣснь — преблагодатная, услаждающая слухъ Ангеловъ и самаго Господа. — Тѣмъ паче съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и умиленіемъ духа нужно вслушиваться намъ въ пѣснь сію умомъ и сердцемъ, вникать въ ея духъ и разумъ, и осващать ею нашу мысль и чувство. — Матерь Божія — сей источникъ совершенствъ *запечатливный*, — (Посл. 4, 12), любя безмодвіе святое, такъ была малоблагодатна, и такъ не много глаголовъ. Ея передаетъ намъ Слово Божіе — *Евангельское!* тѣмъ драгоценнѣе для насъ глаголы пречистыхъ устъ Ея, въ свято-восторженной пѣсни Ея заключенныя, въ которой, можно сказать, *душа Ея изыде въ слово Ея.*

Что же вызвало эту пѣснь святую? Что побудило Преблагословенную Матерь свѣта, любительницу молчанія, отверсть свои пречистыя уста и душу? И какой смыслъ сей пѣсни пѣсней?

Пренепорочная Дщерь Іоакима и Анны, Дѣва Марія, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ воспитанія въ храмѣ Іерусалимскомъ, переселяется въ Назаретъ, въ домъ благочестиваго Іосифа, — и здѣсь получаетъ дивное извѣщеніе отъ вѣстника небснаго о зачатіи Ею и рожденія Бога — Слова, Единороднаго Сына Божія; смущается отъ сей вѣсти, яко неискусомужная, недоумѣваетъ, — но паче вѣры, такъ сказать, вѣруетъ Всемогущему Обѣователю — Богу: и, повѣрѣ Ея, исполняется надъ Нею великое дѣло спасенія нашего. Духъ Святый нисходитъ на Нее, — Богъ всеблаженный, Источникъ жизни и блаженства — во утробѣ Ея! Можно ли было не возрадоваться пріившей въ Себя Того, отъ лица Коего пристокаетъ радость Ангеловъ и всего неба? И Она исполнилась радости.

А радость обшительна. И вотъ — Обрадованная небомъ, носящая во утробѣ своей Господа вселенной, *востанави, идеть со щаніемъ въ горняя — во градъ Іудогъ*, — изъ Назарета, гдѣ живи

ся ей Ангелъ, въ Иерусалимъ, — къ сродницѣ своей Елисаветѣ, жене іерея Захаріи. Идетъ къ ней, кромѣ общенія радости, еще и потому, что чудо зачатія Елисаветою, заматорѣвшею во днѣхъ своихъ, указано Ей Ангеломъ, въ удостовѣреніе словъ его обѣтованія — о событіи, имѣющемъ послѣдовать съ Нею самой.

И вниде въ домъ Захаринъ и цѣлова Елисаветъ. И бысть яко услыша Елисаветъ цѣлованіе (привѣтствіе) Маріино, взырася младенецъ во чревь Ея. Какъ при восходѣ весенняго солнца, все, способное къ жизни, оживляется, радуется, и птицы, своимъ пѣніемъ, привѣтствуютъ восходъ великаго свѣтила: такъ, и при восходѣ духовнаго солнца — *Востока свѣше* — Христа Спасителя, души, способныя къ принятію сего Свѣта, чувствуютъ Его теплоту и животворность, и воспѣваютъ Его, радуясь о немъ. Эту радость чувствуетъ и утробный младенецъ Іоаннъ, — какъ плодъ молитвы родителей, о коемъ предречено, что онъ Духа Святаго исполнится *еще изъ чрева матери* своея. Предтеча и здѣсь является предтечею, — и прежде всѣхъ срѣтаетъ грядущаго въ міръ Спасителя симъ взыраніемъ, и какъ бы указываетъ Его: *взырася младенецъ во чревь Ея, и исполнися Духа Свята Елисаветъ.* По взыраніи младенца, и, можетъ быть, вълѣдствіе это взыранія, исполняется Духомъ Святымъ сама Елисаветъ.

И возопи гласомъ велимъ, — отъ полноты чувства, отъ сильной радости и восторга. *И рече,* по внушенію и движенію Духа Святаго, исполнившаго ее, и потому она, безъ извѣщенія и словъ Маріи, знаетъ все, сбывшееся съ Нею, знаетъ тайну благовѣщенія.

Благословенна Ты въ женахъ! Замѣчательно, что Елисаветъ почти одними и тѣмиже словами привѣтствуетъ Пресвятую Дѣву, какими привѣтствовалъ ее и Ангелъ въ Назаретѣ. Такъ, водящіяся единымъ Духомъ Божиимъ, бывають согласны между собою въ мысляхъ, чувствахъ и самыхъ словахъ! — Благословенна Ты въ женахъ. — Были, какъ бы такъ вѣдала она, — дщери Евы благословенныя Богомъ, какъ-то: Сарра, Ревекка, Рахиль, Асенеѳа и пол.; но Ты, между ними, Богоизбранная, благословенна и возвеличена

небомъ и землею, въ безмѣрно большой мѣрѣ, — Ты — Препоблагословенная, какъ носящая въ утробѣ своей Источникъ благословенія.

И благословенъ плодъ чрева Твоего, — Ояъ есть самъ Богъ благословенный, Источникъ благословенія, о Немъ же благословляются всяцѣмъ благословеніемъ вся племена земная. Дивное событіе, столь возвеличившее Препоблагословенную Дѣву Марію, заставляетъ Елисавету иначе взирать на свою сродницу. — *И откуда мнѣ сіе*, взываетъ удивленная Елисавета, *да прииде Мати Господа моего ко мнѣ?* Теперь я съ благоговѣніемъ взираю на Тебя, Богоизбранная, не просто какъ на сродницу свою, но яко на Матерь Господа. Я вижу въ Тебѣ не простую — дочь Іоакима и Анны а Дѣву Марію, возвеличенную Богомъ, — вижу Матерь Божію. Убѣждаюсь въ этомъ внутреннимъ опытомъ моимъ: *се бо, яко бысть мазъ цѣлованія твоего во ушю мою, възырася младенецъ радощами во чрепѣ моему*, — радостію дивною, святою. — *И откуда мнѣ сіе?* — Какая мнѣ честь и радости! Могла ль я ожидать такого счастья? Думала ли я, что ко мнѣ придетъ Мати Господа моего? Пришла Та, Которая носитъ Носящаго вся. — И, вотъ — первая изъ людей въ Новомъ Завѣтѣ исповѣдница, исповѣдавшая Спасителя Господомъ Богомъ, ибо Матерь Его она именуетъ Матерію Господа своего.

И блаженна вѣровавшая, яко будетъ, совершение младоуланымъ Ей отъ Господа, — продолжаетъ Елисаветъ, — зная по внушенію Духа Святаго, и о вѣрованіи Маріи. Блаженна вѣровавшая, ибо вѣра Маріи и преданность Ея Господу нужны были для самаго совершенія чуда воплощенія отъ Нея Бога — Слова, нужно было, чтобы она сказала: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему*.

И сей — то восторженный, Богомъ вдохновенный, отвѣтъ Елисаветы на привѣтствіе ей отъ Пресвятой Дѣвы, такъ сказать, вызвалъ чудную, Богогласную пѣснь изъ устъ Богородицы.

И рече Маріамъ. Наконецъ, любящая святое безмолвіе, Маріамъ отверзаетъ уста свои, и сердце ея, яко источникъ, скромностію запечатлѣнный, *отрыгаетъ слово благу*, которое, какъ золо-

тая струя, изливается въ молитвенной, благодарственной, пророческой пѣсни. Богъ Слово, вселившійся въ Нее, прежде, нежели является, яко плодъ чрева, открывается, яко плодъ устень Ея. *Душа Ея изыде въ слово*, — и слово Ея устремляется къ Господу, толико возблагодѣвавшему Ей.

Величитъ душа моя Господа; какъ бы такъ вѣдала Она: Богъ меня возвеличилъ, тогда какъ я была недостойна Его милости. Въ благодарность, и я должна бы возвеличить Его; но Онъ такъ великъ, что сердце можетъ только чувствовать Его величїе, а выразить его не можетъ. Я буду славить и величать Его душою моею непрестанно, во всю мою жизнь, по примѣру праотца моего Давида, который говорилъ, въ чувствѣ благодаренїя ко Господу: *вознесу Тя, яко подъял мя еси*.

И возрадовался духъ мой о Бозь Спасъ моея. Радуется, объѣмается радостію духъ мой, все существо мое; ибо я пошу въ себѣ самую радость, Источникъ радости. *О Бозь Спасъ моея*, — не о Бозѣ только всемогущемъ, какъ особенно являлъ себя Господь въ Ветхомъ Завѣтѣ, но о Бозѣ Спасителѣ, какъ Онъ явилъ себя нынѣ.

Яко призрѣ на смиренїе рабы Своея. Безмѣрно, неизреченно благодаренїе ко мнѣ Господа; и — оно совершенно не заслуженно мною. Я желала, за великую честь почитала и молилась, чтобы Господь удостоилъ меня быть рабою и прислужницею у матери Спасителя — Мессїи: и вотъ Господь избираетъ меня Себѣ въ мать! Велико, неизреченно снисхожденїе Его и милость, что Онъ такъ милосердо призрѣлъ на мою незнатность и бѣдность. *Яко призрѣ на смиренїе рабы Своея*.

Се бо отнынь ублажатъ мя вси роди. Пророческий взоръ Богоматери объѣмлетъ всѣ времена и вѣки, и — Она видитъ, что весь міръ христіанскій будетъ ублажать и величать Ее, и — какъ бы такъ говорить: я прежде была не знатна; но теперь, какъ Мать Мессїи, я буду предметомъ благословенїя для всѣхъ. Когда же началось это ублаженїе? — Оно предназначено еще Ангеломъ, наименовавшимъ Ее благословенною въ женахъ; и съ самаго за-

чатія Иисуса Христа, Она ублажается Елисаветою, Иосифомъ, когда онъ узналъ отъ Ангела, что родшееся въ Ней *отъ Духа есть Свята*. Потомъ пастыри Вифлеемскіе и волхвы приходятъ поклониться рожденному отъ Нея Сыну. Во время проповѣди Иисуса Христа, одна жена, въ слухъ всего народа (а тысячи подобное чувствовали), воздвигла гласъ и рекла: *блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси сосалъ*. Замѣчательно, что самое слово: блаженная, здѣсь слышится изъ устъ жены, какъ бы въ сходственность съ пророчествомъ Богоматери: *отнынь ублажатъ мя вси роди*.

Яко сотвори мнѣ величіе Сильный. И какое безмѣрное величіе! Всевышній вознесъ и возвеличилъ Ее выше Херувимовъ и Серафимовъ, содѣлалъ Ее царицею земли и неба, Ангеловъ и челоуѣковъ. *Сотвори величіе Сильный*. Ибо это возвеличіе Ея, это чудо воплощенія отъ нея Бога, могъ совершить только Онъ— все-сильный и всемогущій. *И свято имя Его*. Новое побужденіе къ благодаренію и славословію Господа!

И милость Его въ роды родовъ боящимся Его. Чувство благодаренія, оказаннаго Ей самой, какъ бы заставляетъ Ее вспомнить о другихъ, о томъ, что Богъ, ради одного праведника, благоворитъ многимъ его потомкамъ. Въ Вѣтхомъ Завѣтѣ сказано, что Богъ, ради праведнаго отца, изливаетъ милости на сыновъ и самыхъ отдаленныхъ потомковъ его. Этотъ, такъ сказать, законъ милосердія Отца Небеснаго выразился преимущественно въ дарованіи іудеямъ—первѣе имъ—Мессіи. Ибо Мессія—Христосъ дарованъ Еврейскому народу, въ то время, самому униженному,—дарованъ именно за обѣтованія, данныя чрезъ пророковъ святымъ его родоначальникамъ—патріархамъ. Народъ еврейскій имѣлъ то неопъненное преимущество предъ другими народами, что видѣлъ Мессію Богочелоуѣка плотскими очами; и этимъ особеннымъ даромъ онъ обязанъ своимъ предкамъ. Здѣсь также видно смиреніе Преподобной Дѣвы Маріи.

Сотвори державу мышцею Своею,—явилъ великую силу на Мнѣ, толико возвеличивъ Меня недостойную. Сказавъ, что Богъ явилъ Ей милость, безъ ея заслуги, Пресвятая Дѣва Марія гово-

рить, что Онъ и прежде поступалъ такъ, и всегда поступаетъ, какъ теперь. Онъ гордыхъ оставляетъ безъ вниманія, не смотритъ на нихъ, а призираетъ на смиренныхъ. Главы еврейскаго народа, знатныя и великія лица, надменная гордостію, обойдены, а Она, незнатная, избрана быть Матерію Бога.

Расточи гордыя мыслию сердца ихъ. Но гордые и сами себя расточаютъ,—губятъ, предаваясь замысламъ вреднымъ, надменнымъ и несбыточнымъ, а только отягощающимъ и изнуряющимъ ихъ силы, и лишаютъ себя безцѣннаго сокровища — благословенія и благодати Божіей.

Низложи сильныя со престоловъ, и вознесе смиренныя. Таковъ законъ Промысла Божія: *всякъ возносяйся смирится, и—смиряяйся вознесетъ.* Св. Писаніе представляетъ на это многіе разительныя примѣры: Фараонъ низверженъ, а Моисей и народъ израильскій (тогда смиренный) вознесенъ; Сауль, разгордившійся, лишился престола, а Давидъ, смиренный, получилъ вѣнецъ, спавшій съ главы Саула; Ровоамъ, хвалившійся, что его перстъ толще чреслъ отца его, остался только при двухъ колѣнахъ; Аманъ, не хотѣвшій даже смотрѣть на Мардохея, послѣ велъ его коня, и самъ былъ повѣшенъ на томъ деревѣ, которое приготовилъ для Мардохея. Гордый Олофернъ смѣялся надъ бѣдствіемъ города Ветуліи, которую осаждалъ, а послѣ-обезглавленный трупъ его для всѣхъ сдѣлался предметомъ посмѣянія.

Алчущія исполни благъ,—тѣхъ кои сознаютъ и чувствуютъ себя недостойными, бѣдными, желаютъ и просятъ милости у Господа и благъ,—Онъ щедряетъ и исполняетъ благами.

И богатящія отпусти тщи: а тѣхъ, которые почитаютъ себя богатыми и довольными, говорятъ *богати есмы, и обогатимся и ничесоже требуемъ,*—т. е. въ чемъ не нуждаемся,—тѣхъ *отпусти тщи,* ничего не далъ имъ, за ихъ гордость.—*Воспріятъ Израиля, отрока Своего, помянути милости, якоже глагола ко Отцемъ нашимъ—Аврааму и съмени его до сѣка.* Новое побужденіе находитъ здѣсь Пресвятая Дѣва, къ славословію Господа. Народъ израильскій будетъ возвышенъ, воспріятъ, какъ мать под-

нимаетъ отрока своего. До сихъ поръ, онъ былъ какъ бы—брошенъ, отверженъ. За что же теперь ему такая милость? Въ себѣ Пренепорочная Марія, по смиренію своему, не находитъ никакихъ заслугъ, хотя имѣла союзъ, совокупность совершенствъ. За что же? За то, что Богъ вспомнилъ милости, обѣщанныя предкамъ Израила.

Якоже глагола ко отцемъ нашимъ— Аврааму и сѣмени его до вѣка. Онъ обѣщалъ великую милость Аврааму—произвести отъ него великаго потомка, —и вотъ Онъ приводитъ въ исполненіе Свое всеблагое обѣщаніе. Слава милосердію Его!

Вотъ благословенная пѣснь, истекшая изъ пресвятыхъ устъ и прекрасной, чистѣйшей души Пресвятыя Дѣвы Маріи, внушенная Духомъ Святымъ!—Достоинно и праведно пѣснь сія воспѣвается Церковію въ каждое утреннее Богослуженіе. Церковь, сею пѣсню, какъ величаетъ возвеличенную Богомъ—Честнѣйшую Херувимъ, Пресвятую Дѣву Богородицу: такъ, въ лицѣ Ея, я устами Ея, вмѣстѣ и благодарить Господа, —отъ лица всего человѣчества, —это первый отголосокъ земли на ангельское привѣтствіе Богородицы, съ неба.

Архимандритъ Фотій.

СІ. ПСАЛОМЪ.

Молитва къ Господу отъ лица всего народа Божія въ послѣдніе годы Вавилонскаго плѣна, въ которой псалмопѣвецъ просить, чтобъ Господь умилосердился наконецъ надъ своимъ Силономъ, поднялъ его изъ развалинъ, надъ которыми народъ Его теперь оплакиваетъ всѣ прежнія свои преступленія, и за тѣмъ явился во всей своей славѣ. Этотъ псаломъ сходенъ съ LXVIII. Но заключеніе послѣдняго 33—37, по ходу рѣки, скорѣе можетъ быть заключеніемъ настоящаго.

Боже мой! услышь меня.

Да дойдетъ моя молитва
Этотъ вопль мой до Тебя;
Не скрывай отъ насъ ужъ больше
Своего лица.

Въ это бѣдственное время
Преклони ко мнѣ свой слухъ;
Поспѣши меня услышать
Въ день, когда отъ всей души
Я къ Тебѣ взываю.

Вотъ, смотри, всѣ дни мои,—
Всѣ, какъ дымъ, они исчезли;
Кости такъ обожжены,
Какъ въ какомъ нибудь горнилѣ,
Что я? Чѣмъ ужъ сталъ теперь?
Ахъ! не то же ль, что и въ полѣ
Подкошенная трава?

Сердце все во мнѣ изсохло
Такъ что вотъ уже и хлѣбъ
Не приходитъ мнѣ на мысль;
Отъ чего во мнѣ теперь
Кости, кажется, всѣ кости
Ужъ пристали наконецъ
Къ исхудавшей кожѣ.

Каждый день стенаю я,
Какъ пустынная неясуть,
Или филинъ гдѣ нибудь
Посреди развалинъ.

Ночи цѣлыя не сплю,
А сижу только на ложѣ;
Все сижу, одинъ сижу,
Понасуясь, точно птица
Одинокая вдали
Гдѣ нибудь на кровлѣ.

Что вѣдь слышу каждый день
Межъ народомъ нечестивымъ?
Каждый день они меня,
Слышу, только все поносятъ,
Гдѣ бъ ни встрѣтились со мной;
До того ожесточились,
Что,—когда только въ своей
Ярости ни проклинають
Своего врага,—меня,
Иль позоръ мой и поставять
Тутъ ему въ примѣръ.

Дни мои всѣ такъ летятъ,
Какъ отъ облака какого
Пробѣгающая тѣнь.
Весь изсохъ я, какъ подъ зноемъ
Солнечнымъ трава.

Боже! но вѣдь ты Богъ вѣчный
И теперь все тотъ же Богъ.
Почему у насъ и память
О Тебѣ изъ рода въ родъ.
Встань же, Господи, помилуй;

Сжался жь наконецъ надъ нимъ, —
Надъ святымъ твоимъ Свономъ.
Ужь, я думаю, пора,
Ужь пора Тебѣ, мой Боже,
Сжалиться надъ нимъ.

Вотъ, смотри, теперь и камни, —
И обломки стѣнъ его
Такъ рабамъ Твоимъ любезны
Стали, что и ихъ они,
Тамъ бывая, такъ цѣлуютъ,
Какъ родныхъ или друзей. —
Какъ останки прежней славы
Града нашего, и тамъ, —
Сидя на священномъ прахѣ,
На развалинахъ его, —
Все лишь плачутъ, да вздыхаютъ,
Вспоминая о своихъ
Прежнихъ беззаконьяхъ.

О! когда бь Ягова
Даровалъ ему спасенье.
Ужь тогда бь не мы одни;
Но и всѣ народы стали,
Какъ и мы, благоговѣть
Передъ именемъ Господнимъ,
И цари всѣхъ въ мирѣ странъ —
Предъ Его величемъ.

Потому что вслѣдъ за тѣмъ, —
Еслибъ вновь-то Онъ устроилъ
Свой Свонъ, тогда бь — и самъ
Вскорѣ тамъ явился въ славѣ; —
Ужь призрѣлъ бы наконецъ
На молитвы безпомощныхъ,
Не презрѣлъ бы ужь тогда
Нашихъ то моленій.

Все, чтобъ было вслѣдъ за симъ,
Записали бь въ наши книги,
Въ память будущимъ родамъ,
И народъ вновь сотворенный,
Ихъ читая, послѣ насъ,
Сталь-бы также славить Бога,
Что пришелъ онъ наконецъ
Съ высоты Своихъ чертоговъ,
И призрѣлъ на Свой народъ,
Чтобъ услышать всѣ туть стоны,

Вздохи узниковъ Своихъ,
И разторгнувъ всё оковы
Страждущихъ Своихъ рабовъ,
Обреченныхъ смерти.

Чтобъ они, сложивъ съ себя
Узы рабства и неволи,
Снова стали возвѣщать
Имя Господа въ Сионѣ
И хвалы свои опять —
Тамъ, — въ Иерусалимѣ.

Въ тѣ то, говорю я, дни,
Какъ, вслѣдъ насъ, княжества міра
Собрались бы вокругъ него,
Чтобъ, одно составивъ царство
И одинъ народъ, Ему
Послужить всёмъ вмѣстѣ.

Въ ожиданіи такой
Славы нашего Сиона,
Я, какъ странникъ на пути
Долгомъ, долгомъ, безконечномъ
Съ каждымъ годомъ все впередъ
Все впередъ смотрю, впередъ
Все впередъ свои глаза,
И досель еще не вижу,
Гдѣ жь ему конецъ.

Истомилъ мой Онъ силы
Сократилъ и дни мои,
Такъ, что я, въ избыткѣ скорби
Ужъ неразъ къ Нему взывалъ:
Не похите меня Ты, Боже,
Въ половинѣ дней моихъ,
Чтобъ мнѣ какъ нибудь дожидаться
Этихъ свѣтлыхъ, славныхъ дней
На своемъ Сионѣ.

Впрочемъ чтожь? Твои лѣта,
Господи, не то, что наши:
Вѣдь они изъ рода въ родъ,
Древле Ты поставилъ землю,
Но земля и небеса,
Такъ же дѣло рукъ Твоихъ —
Все измѣнится, ты жь будешь
Вѣчно тотъ же. Это все
Обветшаетъ, какъ одежда,
Ты жь все тотъ же, вѣчно тотъ же,

И лѣтамъ Твоимъ конца
Ни когда не будетъ.
Почему, коль ужь не мы, —
Вотъ себя, чѣмъ утѣшаю. —
То сыны жь твоихъ рабовъ
Населять святую землю
И съ тѣхъ поръ ужь на всегда, —
На всѣ вѣки утвердятся
Предъ лицомъ Твоимъ.

(LXVIII. 33—37).

И когда все это будетъ,
Какъ обрадуются тутъ
Наши бѣдные страдальцы,
Какъ обрадуются всѣ
Тутъ они, когда увидятъ
Это надъ собой..!

Да; всѣ любящіе Бога,
Потерпите, — оживетъ
Ободрится ваше сердце,
Я увѣренъ, что Господь
Милостиво внемлетъ нищимъ,
Что не отвращаетъ Онъ
Никогда лица отъ жалкихъ
Узниковъ Своихъ, а всѣ
Наши слышать воли.

Въ этомъ чаяньи пусть все жь
Съ нами восхваляетъ Бога —
Небеса и вся земля
И моря и, что въ ихъ безднахъ
Двигается, живетъ.

Потому что, — рано ль, поздно ль,
А спасетъ Онъ свой Свояъ,
Возстановитъ въ прежней Славѣ
Всѣ погибшія у насъ
Города Іуды.

Вотъ придетъ пора и вновь
Нашъ народъ въ немъ поселится
И наслѣдуетъ его;
Вновь рабовъ Его потомство
Утвердится въ немъ и всѣ
Призывающіе имя

Господа Иеговы,
Рано ль, поздно ль, повторяю,
Снова станут обитать
На святомъ Свонѣ.

XXII. П С А Л О М Ъ.

Господь самъ пастырь мнѣ, такъ я
Конечно въ скудости не буду.
Какъ стада своего овцу,
Онъ всякій день меня покоитъ
На золотыхъ пажитяхъ Своихъ,
А въ знойные часы дня водить
На тихоструйныя свои,
Живительныя воды.

Вода меня все по стезямъ
Своей Божественной тутъ правды;
Какъ только видить, что ужъ я
Въ путяхъ своихъ изнемогаю,
Онъ, ради славы Своего
Святого имени мнѣ тотъ часъ
Благо даетъ роздыхъ и покой,
Где-то въ чемъ нибудь отраду.

Чего жъ я думаю себѣ,
Мнѣ и впередъ теперь бояться?
Нѣтъ, еслибъ мнѣ пришлось идти
Теперь долиной и тьмы смертной,
Не побоюсь я зла и тамъ.
Коль ты вездѣ сомною, Боже,
Такъ—жезлъ и посохъ Твой и тамъ
Меня ужъ успокоить.

Съ тѣхъ самыхъ норъ, какъ только Ты
Призвалъ меня на пиръ священный,
Тобой устроенный, и тамъ,
Въ собраніи старѣйшинъ града,
Въ виду соперниковъ моихъ,—
Моихъ родныхъ старѣйшихъ братьевъ,
Всю умастилъ мою главу
Святымъ елеемъ чрезъ пророка,—
Смотрю я,—чаша то моя,
Тогда мнѣ верхомъ надитая,
Вотъ и теперь передо мной
Какъ бы не початая.

Да, благость, Господи, Твоя
Съ тѣхъ поръ, — я вижу, — и доселѣ
Чтобъ ни было иногда со мной,
Вездѣ меня сопровождаетъ.
А потому я убѣжденъ,
Что, — значить, — я въ дому Господнемъ
Пробывъ много, много лѣтъ
Все подъ Его покровомъ.

ХС.

Блаженство боящихся Бога и уповающихъ на Него.

Кто живетъ себѣ подъ кровомъ
Самаго Всевышняго,
Тотъ подъ тѣню почиваетъ
Ужъ и Всемогушаго.

«Ты — приѣжище мнѣ, Боже», —
Говоритъ онъ Господу, —
«Ты — мой Богъ и мой заступникъ,
На котораго я веѣмъ
Сердцемъ полагаюсь».

«Егова тебя спасетъ»,
Такъ съ собой онъ разсуждаетъ,
И въ дни самыхъ страшныхъ бѣдъ.
Какъ отъ сѣти птицелова,
Онъ спасетъ тебя въ тѣ дни
Отъ губительной заразы; —
Перьями Своими такъ
Осѣнитъ на все то время,
Что подъ крыльями Его
Ты укроешься отъ всякихъ
Золъ во всѣ тѣ дни».

«Истина Его святая, —
Эта истина тебѣ
Щитъ и огражденье».

«Что вокругъ тебя ни будь,
Съ Нимъ ужъ ничего не бойся; —
Ни тѣхъ ужасовъ ночи,
Отъ какихъ другіе гибнутъ,
Ни стрѣлы, летящей днемъ,

Ни во тьмѣ ходящей язвы,
Убивающей на смерть,
Ни другой какой заразы,
Истребляющей народъ
И среди полудня».

«Близъ тебя жь отъ нихъ падеть
Съ лѣва тысяча, а справа,—
Тутъ, быть можетъ, даже тьма,
Но тебя ужь не коснется».
«Только будешь ты смотрѣть
Да, вода кругомъ глазами,
Всюду видѣть, каково,—
Какъ и тутъ то еще страшно
Воздаянье Еговы
Роду нечестивыхъ».

«Да; коль самъ Иегова
Все твое тутъ упованье,
Коль прибѣжищемъ себѣ
Ты избралъ, на всѣ дни жизни,
Самаго Всевышняго,
Тамъ ужь вѣрь, что не допустить
До тебя Онъ зла во вѣкъ
И ударъ его не дойдетъ
До твоихъ дверей».

«Нѣтъ; Онъ ангеламъ поручить
Охранять тебя отъ всѣхъ
Преткновений въ этой жизни
И на всѣхъ твоихъ путяхъ,
И они ужь такъ сохранно
Всюду, на своихъ рукахъ,
Пронесутъ тебя, что вѣрно
Не дадутъ твоимъ ногамъ
Ни разбиться, ни споткнуться
И споткнуться не дадутъ
Гдѣ нибудь на камень».

Съ ними что тебѣ? На льва
И на аспида наступишь;
Смѣло будешь попирать
Скимна и дракона».

«Если любить онъ Меня,—
Такъ,—себѣ воображаю,—
Скажетъ о тебѣ Господь»—

«Какъ его Мнѣ не избавить,
Не спасти отъ зла? Коль Онъ

Такъ позналъ Мое ужь имя
Что вотъ все Меня зоветъ
Отъ враговъ его защитить,
Какъ же Мнѣ ему теперь
Не подать защиты?»

«Нѣтъ; какая тамъ ни будь
Скорбь души его, пусть только
Воззоветъ онъ въ ней ко Мнѣ,
Тотъ же часъ его услышу
И отъ всѣхъ избавлю бѣдъ;
А за тѣмъ еще прославлю,—
Долготой еще и дней
Сверхъ того его насыщу.
Вотъ какое, во дни золь
И во всякой его скорби,—
Въ чемъ ни будь она—«явлю
Я ему спасенье».

XX.

Благодарственная пѣснь Богу за спасеніе царя на брани противъ множества соединенныхъ противъ него враговъ, что Господь, увѣнчалъ его побѣдой, чрезъ то какъ бы самъ возложилъ на него новый царственный вѣнецъ и сдѣлалъ его предметомъ вѣчныхъ благословеній.

Твоею это силой, Боже,
Нашъ веселится нынѣ царь.
И какъ его велика радость,
Что вотъ Ты наконецъ послалъ
Ему Свое спасенье!
Все, все Ты далъ ему теперь
Чего его желало сердце.
Молитвы устъ его, какой
Онъ предъ лицемъ Твоимъ молилъ,
Какъ видимъ мы, Ты не презрѣлъ.
Напротивъ милостиво встрѣтилъ
Его Своимъ благоволеньемъ
И на главу его теперь
Своими возложилъ руками
Ужъ новый царственный вѣнецъ
Изъ драгоценныхъ камней.

Онъ жизни у Тебя просилъ,
И вотъ Ты, внявъ его молитвъ,
Далъ жизнь ему на всѣ вѣка,
Жизнь въ вѣчной памяти потомства:
Такъ какъ спасеніемъ Своимъ
Еще—Ты больше возвеличилъ
Его тутъ славу, на землѣ
И превознесъ его надъ всѣми,
Торжественно облекъ—его
И въ красоту и въ велелѣнье
И чѣмъ ужъ сдѣлалъ съ этихъ поръ?
Предметомъ, непрестанныхъ
До колѣ нашъ продлится родъ,
У насъ благословеній.

Такъ много ободрилъ его
Такою радостію, Боже,
Что такъ торжественно явилъ
Ему лице Свое,—такъ много,
Что царь нашъ, низложивъ врага,
Теперь ужъ крѣпче уповаешь
На милость Вышняго и впредь
Не поколеблется конечно
Ужъ никогда во вѣкъ.

Такъ, царь любезный! будь увѣренъ,
Надѣйся ты, что съ этихъ поръ
Рука твоя вездѣ достанетъ
Вездѣ найдетъ твоихъ враговъ,
Что правая твоя отыщетъ
Всѣхъ недруговъ твоихъ.

Лишь обрати ты только въ гнѣвъ
Еще на нихъ свое лице,
Такъ ты увидишь въ нихъ подобье
Печи охваченной огнемъ.
Гнѣвъ Божій разомъ ихъ поглотитъ;
Огонь Его пожретъ ихъ такъ,
Что весь тутъ плодъ ихъ истребится
Все сѣмя пропадетъ.

А какъ они было воздвигли
Такое зло противъ тебя,
Составился злодѣйскій замысль
Въ союзѣ тайномъ межъ собой,
И только не могли исполнить,—
За это съ сихъ же самыхъ поръ
Ты непременно ихъ поставишь

Всегдашней дѣлю для себя,
Чтобъ во время пустить всѣ стрѣлы
Имъ прямо ужъ въ лице.
Превозносись же надъ всѣми, Боже!
У насъ Ты силою Своей
А намъ дай вѣчно, вѣчно славить
Могущество Свое.

LXXIV.

Урокъ тщеславнымъ, живущимъ безъ вѣры въ Божественное про-
мышленіе.

Славимъ, Господи, Тебя,
Что твое святое имя
Къ намъ такъ близко, какъ о томъ
Искони намъ возвѣщаютъ
Чудеса Твои.
Вотъ лишь усмотрю Я время—
Такъ, мнѣ кажется, Ты въ нихъ
Намъ на воли отвѣчаешь,—
И тогда жъ произведу
Правый судъ Свой; не помедлю.
Пусть колеблется земля
Вся у васъ тамъ подъ ногами,
Пусть колеблется на ней,
Что ее ни наполняетъ,
А подъ ней и всѣ столпы,—
И цари, вельможи ваши,—
Не страшитесь ни чего:
Я ихъ утверждаю.
По чему и говорю
Я тщеславнымъ «не тщеславьтесь,—
Не хвалитесь вы собой»,
Беззаконнымъ: «не спѣшите
Такъ высоко поднимать
Рогъ своихъ и такъ надменно
Съ высока—то говорить.
Не съ Востока возвышенье,
И не съ Запада оно,
Ни съ пустыни тожъ приходить.
Богъ—судья земли; лишь Онъ
Унижаетъ, возвышаетъ
Каждога изъ насъ.

У Него въ рукахъ тамъ чаша.
Брызжетъ въ ней, вино кипить;
По края Онъ наливаетъ
Эту чашу и потомъ
Раздаетъ, кому какъ хочетъ.

Только помните: она
Налита хоть и до верха,
Но на днѣ ея,—тамъ что?
А на днѣ вѣдь дрожди.

И коль скоро кто, изъ ней
Упиваясь, хуже, хуже
Становится,—вотъ кому,—
Рано ль, поздно ль,—съ этой чаши
Онъ и дастъ до дна испить,
Или не испить, а лучше
Противъ воли поглотать
Эти всѣ подонки.

Вѣчно, вѣчно буду я
Повторять имъ эту пѣсню;
Пока живъ, все буду пѣть
Эту пѣснь я въ честь и славу
Господа Іеговы;
До тѣхъ поръ не перестану
Повторять ее, пока
Наконецъ ужъ не унижу,—
Не собью роговъ съ головъ
Этихъ гордыхъ нечестивцевъ.
Пусть красуются рога
Правыхъ только сердцемъ.

ХСII. (92).

Твердость и непреложность Божіихъ судебъ.

Егова Господь нашъ царь
Вмѣстѣ царь и всей вселенной.
Тамъ, въ небесномъ кругѣ, Онъ
Облеченъ во все величье
И, какъ бы какимъ мечемъ,
Силой препоясанъ.

По чему вселенная
Такъ тверда, что вотъ проходятъ
Цѣлые надъ ней вѣка,
А она стоитъ до селѣ

И вѣка перестойтъ
Непоколебимо.

Искони тамъ Твой престоль, —
Искони онъ тамъ, о Боже,
И, какъ царь вселенной, Ты
Возсѣдишь на немъ отъ вѣка.
А коль такъ, то намъ чего жь
И впередъ бояться?

Хоть и страшно намъ смотрѣть;
Ужась сердце обнимаетъ, —
Какъ, въ разливъ весеннихъ водъ,
Рѣки наши поднимаютъ
Бездну страшныхъ голосовъ,
Выше, выше все вздымаютъ
Свои волны, каждый день,
Съ каждымъ часомъ, угрожая, —
Ринувшись изъ береговъ.
И прорвавшись чрезъ плотины, —
Разметать вокругъ себя
Города и веси.

А того еще страшнѣй —
Видѣть, или только слышать,
Какъ, вокругъ насъ, подобно имъ
Разливаясь, и народы,
Въ страшныхъ браняхъ межъ собой,
Какъ и тѣ въ своемъ разливѣ,
Поднимаютъ грозный гласъ
И, подобно имъ, горами
Тождь вздымаютъ тамъ свои
Волны грозно другъ на друга,
Отъ чего не города,
Часто гибнуть царства.

Но твой гласъ для насъ страшнѣй
Несравненно шума самыхъ
Величайшихъ въ мѣрѣ водъ,
Даже — рева, даже грома
И морскихъ; — Онъ намъ страшнѣй
Всѣхъ возможныхъ въ мѣрѣ гласовъ
Тамъ, на высотѣ своей,
Каждый гласъ Твой, исходящій
Къ намъ отъ толѣ — съ высоты
Твоего престола.

Такъ какъ, чтобъ Ты ни изрекъ,
Чтобъ намъ тамъ ни предназначилъ,

Все тутъ сбудется въ свой срокъ,
Чтобъ ни случилось съ міромъ,
Всѣ свидѣтельства Твои
Такъ рѣшительны, такъ тверды,
Что ни кто ихъ и ни чѣмъ
Въ цѣломъ мірѣ ужъ не въ силахъ
Отвратить, ихъ измѣнить
Даже и на іоту.

Почему,— я убѣжденъ
И благоговѣнны наше
Цѣ дому Твоему у насъ
Ни когда не прекратится,—
Сохранится въ родъ и родъ
Съ вѣка и до вѣка.

Редакторы: { Прот. **Ө. Никоновъ.**
 { Свящ. **І. Адамовъ.**

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **П. Палицынъ.**
Сентября 30-го дня 1873 года.

Воронежъ. Въ типографіи **Н. Д. Гольдштейной.**